

**«ОБРАЗЫ» ПСИХОАНАЛИЗА
В СОВЕТСКОЙ КРИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ****Сериков Г.В.**

Автор делает попытку анализа стратегий презентации, построения «образов» психоаналитического учения, которые создавались в советской критической литературе в 60–70-е гг. и позже, прослеживает в историческом плане, как менялось отношение к психоанализу, намечает перспективы дальнейших исследований в этой области.

Ключевые слова: история психоанализа в России, критика фрейдизма в 60–70-е гг., стратегии презентации, построения «образа» психоанализа для советского читателя.

Как констатирует Л. Грэхэм в работе, посвященной анализу развития советской науки: «фрейдизм после довольно непродолжительного периода популярности в Советском Союзе в 20-х гг. стал запрещенным направлением исследований. В 60-х гг. советские психологи начали осознавать свое отставание в этой области, но это ни в коем случае не означало, что они стали энтузиастами психоанализа» [6, с. 215].

Итак, существование психоанализа в нашей стране было прервано, в то время как на Западе он успешно развивался, проникая в различные области знания о человеке. Это вызывало еще большую напряженность, неприязненное отношение со стороны официальной советской науки. В дело пускались уже проверенные, испытанные временем направления критики любого западного научного направления не-марксистской ориентации. В таких случаях необходимо было, с точки зрения марксизма-ленинизма, диалектического материализма, принципа партийности, показать слабость того или иного учения, отсутствие в нем новизны, противоречивость его постулатов, исходных принципов, неточность понятийного аппарата, его чуждую идеологическую направленность, ошибочность и т. п. Кроме того, критика любой западной доктрины в СССР сочеталась с невозможностью ознакомления с первоисточниками. Работы Фрейда, изданные в начале XX в., быстро стали раритетами, поскольку, как констатирует М.Г. Ярошевский: «на протяжении более полувека труды психоаналитиков в нашей стране вообще не публиковались» [9, с. 28]. Вполне естественно, что в результате «после издания в 20-х гг. по инициативе профессора Ермакова русских переводов произведений Фрейда советский читатель не имел больше возможности поставить их на свою книжную полку, изучить, оценить» [18, с. 136].

Таким образом, единственным источником знаний, общедоступным для широкой, жаждущей образования публики, стали критические статьи, работы советских и зарубежных авторов, стоящих на твердой почве марксистско-ленинского учения или тяготеющих к нему. В советское время обычным явлением стало представлять критику того, что было недоступно или труднодоступно для личного ознакомления. Да и зачем читать самим, когда существуют люди с учеными званиями и степенями, которые могут дать недвусмысленную оценку очередному «западному заблуждению». Яркий пример – изданная в 1962 г. книга И.С. Мансурова «Современная буржуазная психология (критический очерк)», в которой «догается» всем «психологам-идеалистам» [11].

В этой связи у тех, кто получал высшее, в том числе психологическое образование, скажем, в 70-е гг. складывался иногда очень странный «образ» той или иной критикуемой теории, доктрины, писателя и т. п., поскольку основу представлений составляли чужие мнения, а не свои собственные суждения. Все это в полной мере относится и к психоанализу. Об этом с горечью написал Л.А. Радзиховский: «Мы критиковали со “стороны”. Критиковали то, что в лучшем случае знали из обзоров, что сами не выстрадали, не сделали своими руками, чего по-настоящему просто не знали» [14, с. 101].

Конечно, не следует полагать, что все советские авторы на самом деле полностью соглашались с тем, что писали. Неизбежно у каждого из исследователей возникали свои отношения с учением Фрейда, что, несмотря на жесткие идеологические установки, осознанно или неосознанно влияло на «презентацию» его образа читателю. Да и работы были разные. Их можно было бы рассматривать в историческом плане – по

времени появления, пытаюсь связать их особенности с теми или иными идеологическими установками, политическими событиями, по глубине, степени обобщения, философского осмысления и обоснованности критики, по тому, являлось ли это основной темой (что предполагало «сосредоточение огня» именно на психоанализе) или же работа была посвящена вообще критике буржуазной идеологии и т. д.

Иными словами, было бы неплохо подробно описать особенности всех тех «образов» психоанализа, которые были представлены в работах советского периода, и «генеральные линии» критики, однако эта задача потребовала бы много времени, чтобы «перелопатить» стопки книг, брошюр, многие из которых теперь имеют чисто «макулатурно-историческую» ценность. Поэтому на настоящий момент хотелось бы попытаться сформулировать те основные стратегии, формы изложения материала, расстановки акцентов, за которыми можно было разглядеть в разной степени кое-что из психоанализа, а также увидеть позицию самого автора.

Анализ ряда наиболее характерных работ, указанных в советское время [1–4, 7, 8, 10–12, 15–17], показал следующие наиболее распространенные «варианты презентации», создания представления о психоанализе, его «образа».

Во-первых, представление его как полностью ошибочного учения, обесценивание его содержания с упором на отсутствие чего-либо принципиально нового, идеологически «заряженная» критика его с позиций истмата и диамата, с отнесением к вредоносным буржуазным теориям. В такого рода работах обычно критика преобладает над каким-либо изложением содержания. Психоанализ и его ответвления предстают в виде заблуждений, учений, авторы которых не видят вполне очевидных вещей, не понимают давно известных диалектико-материалистических истин. Широко употребляются такие обороты, как: «метафизическая основа», «чистая мистификация», «биологизм», «пансексуализм», «гипертрофизация роли бессознательного», «метафизика», «антиисторизм», «пессимизм», «несостоятельность, порочность исходных методологических принципов», «идеологическая диверсия против марксизма» и т. п. В этом случае «физиономия» автора ясна и ретроспективно не вызывает особых симпатий. Что касается читателя, то у него, очевидно, возникал образ ошибочного, враждебного буржуазного учения, которое не представляет собой никакого интереса, и диалог с представителями которого принципиально невозможен.

Вариант второй – когда, несмотря на критические замечания и обвинения, авторы все-таки более или менее подробно излагают содержание работ З. Фрейда, анализируют его идеи и вводят читателя

в проблемное поле психоанализа. В таких случаях выручает слово «якобы» и оборот «по Фрейду» («творческая деятельность – это якобы сублимация», «бессознательное по Фрейду – это ...» и т. п.), что само по себе создавало впечатление критического отношения.

Эта позиция позволяла авторам донести, хотя бы в редуцированном виде, до читателя само учение и поэтому ретроспективно кажется более или менее приемлемым компромиссом. В этом случае у читателя, приученного не обращать внимания на привычные идеологические акценты и лексические ухищрения, мог возникнуть интерес к самому исходному материалу и желание при случае познакомиться с ним без посредников, а сам психоанализ предстал чем-то заманчивым и запретным.

Третий вариант – это создание образа психоаналитической доктрины на основе той информации, которая содержалась в переводных работах иностранных авторов, твердо стоящих на «марксистской платформе». Можно сказать, что эти работы (см., например [8]) могли существенно расширить возможности читателей, интересующихся данным предметом. Обычно таким переводам предшествовало обширное предисловие, где расставлялись все нужные акценты «для правильного понимания книги» (см., например, предисловие А. Снежневского к книге Г. Уэллса [17]). С одной стороны, это напоминает человека, который не найдя собственных аргументов и сомневаясь в своем «кредите доверия» у читателей, прибегает к помощи другого, о котором он заявляет как о более или менее заслуживающем такого доверия. С другой стороны, в подобных работах можно было встретить подробный, содержательный анализ основных положений психоанализа с обширными цитатами из работ З. Фрейда, описаниями метода, новых направлений и т. п. Таким образом, хотя у читателя намеренно создавалось впечатление, что против психоанализа ополчился весь просвещенный мир и он под натиском ударов со всех сторон вот-вот падет, если еще не пал, уровень изложения материала и критики был гораздо выше, чем у многих советских авторов, и при этом невольно передавался неподдельный интерес к данной области исследования, которая оказывалась гораздо сложнее и интереснее, чем представлялась ранее.

Четвертый вариант создаваемого «образа» психоанализа связан с периодом «возобновления диалога», когда на первый план выходит реализованная в ряде публикаций стратегия, направленная на то, чтобы «не отдавать бессознательное на откуп фрейдизму».

При этом на философском уровне обсуждалась проблема таких понятий, как «неосознанное, бессознательное и подсознательное», ставилась задача

показать, что Фрейд не был первым, кто обратил внимание на роль бессознательного, и попытаться создать советские альтернативные варианты.

Для этого обратились к теории Узнадзе и теории неосознаваемой высшей нервной деятельности Ф.В. Бассина [2].

Поворот к некоторому диалогу, несмотря на всю идеологически заряженную критику, все же создавал у читателя образ психоанализа как учения, обладающего эвристической ценностью, поскольку его так тщательно обсуждают, подчеркивая важные догадки и находки.

В качестве причин, по которым стал, наконец, возможен диалог советских исследователей с учеными, придерживающимися в той или иной степени психоаналитической ориентации, выдвигались такие, как:

- 1) достижения советской психологии в создании своего собственного концептуального подхода к проблеме бессознательного и, тем самым, признание ее актуальности;
- 2) эволюционные преобразования психоаналитических представлений, приведшие к расширению сферы их влияния;
- 3) выявление весьма широкого круга областей знания, тормозимых в своем развитии отсутствием разработанных представлений о природе и закономерностях неосознаваемой психической деятельности [3, с. 29].

Таким образом, взгляды на психоанализ постепенно претерпевали изменения в сторону большей толерантности, а его образ в глазах читателей приобретал не только чисто отрицательные, но и ряд положительных черт. Меньше всего хотелось бы обвинить отечественных исследователей в непоследовательности или научной нечестности. Менялись времена – менялись мнения, происходило переосмысление значения тех или иных идей Фрейда и его последователей.

Так, в 1958 г. Ф.В. Бассин в одной из журнальных статей подчеркивает ошибочность методологии фрейдизма, его приверженность к идеям механистического и физиологического порядка, псевдонаучность всей созданной Фрейдом системы и «превращение теории психоанализа в одну из наиболее реакционных современных буржуазных социологических и философских концепций». И еще, там же: «психологической проблеме неосознаваемого и физиологической проблеме участия подкорковых образований в процессах высшей нервной деятельности на протяжении многих лет придавалась методологически искаженная, идеалистическая, псевдонаучная трактовка. Наша задача, разрушив эту трактовку, сохранить обе проблемы для научного анализа и дать их разработку на основе понятий, у которых с категориями

фрейдизма принципиально не может быть ничего общего» [2, с. 148–149].

Проходит время и Ф.В. Бассин, А.С. Прангишвили и А.Е. Шерозия признают, что допускалась недооценка значения произошедших в теории психоанализа серьезных эволюционных изменений, заявляют о том, что те доводы, которыми руководствовалась наша критика в 30–40-х гг., уже не являются адекватными в данной ситуации. И, далее, касаясь советской психологии, авторы пишут об ошибке «выбрасывания из ванны вместе с выплескиваемой водой и ребенка», и констатируют, что критика слабых сторон психоанализа привела к скепсису относительно психологических феноменов составляющих предмет психоанализа, что привело к падению интереса к самой проблеме бессознательного и недостаточного ее отражения в работах советских исследователей [3].

Итак, можно сказать, что прерванный, подвергнутый отрицанию психоанализ породил в советской критической литературе несколько вариантов его презентации для читателя – ярых противников, острожно интересующихся, сочувствующих, скрытых сторонников. Да иначе и быть не могло. Поскольку психоанализ «принципиально не совместим с марксизмом», в работах обязательно присутствовала критика, часто выхолащивающая само содержание учения З. Фрейда. Но, еще раз подчеркиваю, не все критики были на одно лицо. Хорошо об этом периоде написал в конце 90-х гг. М.Г. Ярошевский: «В течение ряда десятилетий идеологического и административно-репрессивного террористического произвола о психоанализе можно было либо молчать, либо публиковать гиперкритические статьи. Отдадим должное тем специалистам, которые и в этих античеловеческих и антинаучных условиях делали все, что могли, и даже больше того, для информации профессионалов и общественности о новейших идеях и теориях в целях нормального развития науки и культуры» [19, с. 29].

Интересен сам момент «полного поворота» к психоанализу, знаком которого, на мой взгляд, послужила статья Л.А. Радзиховского «Теория Фрейда: смена установки», для оценки которой хорошо подошло бы слово «покаяние» [14]. Вполне закономерно, что, когда через год после этого в свет выходит книга К.Е. Тарасова и М.С. Кельнера: «Фрейдомарксизм о человеке», появляется крайне критический отзыв под ироничным названием «Новый разгром фрейдизма или голос из прошлого», в котором автор Г. Гильбо с возмущением пишет: «сегодня, когда время действительно изменилось, когда появилась, наконец, возможность говорить правду и давать адекватные оценки, – сегодня в свет выходит книга, со страниц которой пахнуло на нас не только гнилым ветром застоя, но и кровавым отсветом деборинских ярлыков» [5, с. 172].

В этой связи интерес представляет современная ситуация, ситуация **после**. Складывается такое впечатление, что сейчас психоанализ неприлично критиковать, так же, как раньше (в 60–70-е гг.) его было опасно хвалить.

Большинство работ, учебников по психоанализу, издаваемых отечественными авторами, не содержат вообще каких-либо замечаний, спорных философских, методологических моментов, которые когда-то так горячо обсуждались.

Разумеется, «ностальгии» по той критике, которую мы имели в 60–70-е гг. (и позже) у автора данной статьи нет. Вопрос ставится по-другому. Неужели все те возражения, что когда-то выдвигались известными советскими философами и психологами, полностью обесценились, «критика не выдержала критики» или все же что-то наиболее ценное необходимо удержать для более полного осмысления достоинств и ограничений психоанализа, дальнейшего самостоятельного развития психоаналитической мысли в России?

В 1988 г. М.Г. Ярошевский достаточно осторожно написал: «Фрейд возвращается к нашему читателю. Из этого, естественно, не следует, что негативное отношение к нему должно уступить отныне апологетическому» [18, с. 136]. Однако, по всей видимости, так и произошло, и на это есть свои причины.

Во временном аспекте отношение к психоанализу в России можно представить в виде маятника, совершающего колебательные движения. То, что мы имели раньше – это верхняя «негативная» точка его движения, то, что имеем сейчас – крайняя «позитивная».

Возможно, это объясняется не только «гиперкомпенсацией» за предыдущую «гиперкритику», но и тем, что в настоящее время в России, в целом, наблюдается «репродуктивный этап», этап воспроизведения и повторения, этап ученичества, который затягивается на долгие годы и десятилетия. Что же касается «продуктивного этапа», то недостаточно еще той «критической массы» грамотных специалистов-практиков и теоретиков в области современного психоанализа, которая привела бы к новым оригинальным идеям и находкам. То, что «процесс пошел», констатировал В.И. Овчаренко [13], упоминая о достижениях отечественного прикладного психоанализа.

Историкам отечественного психоанализа еще предстоит в полной мере отразиться, оценить «миссионерское движение» – огромный вклад иностранных, прежде всего, западных психоаналитиков, согласившихся обучать российских психологов и врачей, что способствовало пробуждению интереса к психоанализу, его истинному возрождению в России. Необходимо будет оценить и подвижническую работу отечественных психологов и философов (В.И. Овчаренко, В.М. Лейбин и др.), затративших

много сил и времени на составление словарей, учебников, хрестоматий и «анналов» всего того, что касалось психоанализа в нашей стране. Думаю, что еще важно будет проанализировать на примере деятельности конкретных, вновь созданных групп энтузиастов *путь к психоанализу*, описать ожидания, иллюзии и разочарования, связанные с «самостийным психоаналитическим движением», то, какую роль сыграли в этом процессе психоаналитические семинары и школы, на которые стремились попасть люди, какова была их мотивация, чего стоило им туда попасть и т. п.

Интерес представляет также проблема «челночного анализа» изнутри, воспоминания самих людей, проходящих такой прерывно-непрерывный анализ, а также проблема профессиональной идентификации, зависти и конкуренции, лидерства и раскола в локальных группах – всего того, через что прошли люди, вовлекшиеся в «орбиту» психоанализа. Однако для того, чтобы достаточно открыто и беспристрастно написать об этом, потребуется, чтобы прошел определенный период времени и позиция отстраненного наблюдателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афашижев М.Н. Фрейдизм и буржуазное искусство. – М.: Наука, 1971. – 128 с.
2. Бассин Ф.В. Фрейдизм в свете современных дискуссий // Вопросы психологии. – 1958. – № 6. – С. 140–153.
3. Бассин Ф.В., Прангишвили А.С., Шерозия А.Е. К истории и современной постановке вопроса // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. – Тбилиси: «Мецниереба», 1978. – С. 23–35.
4. Вольперт И.Е. Сновидения в обычном сне и гипнозе. – Ленинград: Изд-во «Медицина», 1966. – С. 43–86.
5. Гильбо Е.В. Новый разгром фрейдизма, или голос из прошлого // Вопросы психологии. – 1990. – № 3. – С. 171–172.
6. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. – М.: Политиздат, 1991. – С. 215–217.
7. Добренков В.И. Неофрейдизм в поисках «истины». – М.: Мысль, 1974. – 144 с.
8. Клеман К.Б., Брюно П., Сэв Л. Марксистская критика психоанализа. – М.: Прогресс, 1976. – 282 с.
9. Лейбин В.М., Овчаренко В.И. Психоаналитическая литература в России. – М.: Флинта, 1998. – 144 с.
10. Лейбин В.М. Психоанализ и философия неофрейдизма. – М.: Политиздат, 1977. – 246 с.
11. Мансуров Н.С. Современная буржуазная психология (критический очерк). – М.: Соцэкгиз, 1962. –

- 285 с.
12. Михайлов Ф., Царегородцев Г. За порогом сознания. – М.: Госполитиздат, 1961. – 112 с.
 13. Овчаренко В.И. Российский прикладной психоанализ в реальных и потенциальных измерениях // Симпозиум. – Ростов-на-Дону, 2006. – № 3. – С. 83–85.
 14. Радзиховский Л.А. Теория Фрейда: смена установки // Вопросы психологии. – 1988. – № 6. – С. 100–105.
 15. Руткевич А.М. От Фрейда к Хайдеггеру: Критический очерк экзистенциального психоанализа. – М.: Политиздат, 1985. – 175 с.
 16. Сумма психоанализа. Т. 8. – URL: <http://www.psychosophia.ru>
 17. Уэллс Г. Павлов и Фрейд. – М.: Изд-во Иностранная литература, 1959. – С. 5–31, 285–604.
 18. Ярошевский М.Г. Возвращение Фрейда // Психологический журнал. – 1988. – № 6. – С. 129–138.
 19. Ярошевский М.Г. Психоанализ как культурно-исторический феномен // Психоаналитическая литература в России. – М.: «Флинта», 1998. – С. 3–29.